

Юлия
Рябинина

Одержимая страстью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ellie Black

18+

Юлия Рябинина

Одержимая страстью

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рябинина Ю.

Одержимая страстью / Ю. Рябинина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Принц и единственный наследник Поднебесной Империи славится своей кровожадностью в боях, а также неумной изощренностью в постельных утехах, после которых наложницы уже не могут оставаться хладнокровными даже к мимолетным взглядам этого мужчины. Хищник априори, он выбрал новую жертву для любовных утех. Лейалана — прислужница и хранительница тайн Императора. Ее единственный способ спастись от Принца — бежать, но тело просит другого, оно просит подчиниться. В тексте присутствуют жестокие сцены, ХЭ!!! Строго 18+Обложка создана автором с использованием изображений с сайта shutterstoc. Содержит нецензурную брань.

© Рябинина Ю., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Со всех сторон слышались женский визг и мужские удивительные возгласы. Громко бухнула музыка. Я чуть не подавилась выпитым виски.

– Юху-у-у-у-у! – орет в ухо мне Катька. – Ленчик, Ленчик, ты это видишь?

Она больно толкает меня в плечо, и я, опрокинув очередную рюмку спиртного в себя, встаю из-за стола и оборачиваюсь к импровизированной сцене.

– Что там, Катя? – пытаюсь встать на носочки, чтобы лицезреть предмет всеобщего восторга, но из-за того, что на моих ногах сабо на низкой платформе, при росте метр шестьдесят я ничего не могу увидеть за спинами коллег.

– О, боже мой, он великолепен, – вздыхает томно Катя, и я, вся подобравшись, облакачиваюсь на плечо подруги и залезаю на стул.

– О, господи, – закрываю рот рукой, что бы удержать рвущийся наружу восторженный крик.

– О, да, он ходячий секс, – слышатся со всех сторон голоса коллег.

А тем временем на сцене творилось что-то невообразимое. Наш босс Глеб Сергеевич в откровенном наряде египетского фараона выплясывал эротические танцы. Белоснежная повязка, отороченная золотой вышивкой на бедрах, держалась так низко, что можно было увидеть темную полоску над пояском, а идеальный пресс с шестью кубиками двигался в такт восточной музыке, демонстрируя перекаты мышц совершенного тела.

– О, господи, – в груди стало жарко, а во рту – сухо, – мне срочно нужно выпить.

– Ленка смотри, смотри, что он делает, – снова толкает меня Екатерина, и я резко выпрямляюсь на стуле.

Меня накрывает единовременный стон женской половины нашего коллектива, и, что самое смешное, этот стон вырывается и из моего рта, когда босс, выливает себе на грудь воду и медленно сверху вниз проводит ладонью по всему торсу, останавливаясь на самой грани, чуть не доходя до горячего.

Я отворачиваюсь на секунду, хватаю первую попавшуюся бутылку и, не различая в темноте, что в руках, делаю большой глоток. В горле тут же вспыхивает пожар, открываю рот и хватаю рваными вдохами воздух. А босс на сцене продолжает творить невероятное, я бы могла сказать сейчас, что он, скорее всего, учится навыкам стриптиза, или они у него имеются, потому что так владеть телом простой смертный точно не может, да и нет у менеджеров среднего звена таких торсов и прессов, коими обладал Глеб Сергеевич. Внизу живота разливается пожар, и глаза начинают слезиться то ли от выпитого алкоголя, то ли от созерцания прекрасного на сцене. Жар пыхнул в лицо, когда понимаю, что хочу босса так, что готова отдаться этому мужчине тут же, на сцене. Вскидываю руки и начинаю махать ладонями себе в лицо, чтобы хоть как-то остудиться.

– Нет, Ленка, ты видишь это, видишь? – толкает меня снова Катька.

Я от неожиданности неловко оступаю и не удерживаюсь на месте, лечу вниз. Только вот спустя мгновение понимаю, что слишком долго лечу, и что вокруг слишком тихо и темно. Резкий толчок.

– Ну, наконец-то, – делаю мелкий вдох. – Летела что-то долго.

Мой голос звучит чуть хрипло, и в голове совсем не болит. О, наверное, я все же свалилась в обморок, потому что не чувствовала, как мне на глаза и лоб накладывали повязку.

– Катя, ты такая заботливая, но мне совсем не больно, и думаю, что повязка – это лишнее, – растягиваю губы в улыбке и поднимаю руку, чтобы содрать ее, но неожиданно чувствую сопротивление. – Что за нахрен, Катя?

И только тут понимаю, что происходит странное, потому что нет посторонних голосов, да и мой голос совсем не похож на мой. И запахи окружающие тоже странные, наполненные густым ароматом цитрусов и цветов, такого на корпоративе не было.

– Эй, народ, что происходит? – пытаюсь подавить панические нотки в голосе, когда чувствую, как на запястье сжимаются обручем чьи-то тонкие пальцы. – Снимите эту чертову повязку!

Быстро хлопаю ресницами в надежде избавиться от пугающего аксессуара на лице, но безрезультатно. Ресницы скользят по гладкой ткани, и она по-прежнему остается на месте. В груди заныло. Страх сжал липкими щупальцами легкие.

– Снимите повязку, это уже не смешно! – плаксивым голосом заговорила я. – У меня паническая боязнь замкнутого пространства, меня сейчас удар хватит.

Из всех сил дергаюсь, и тут же мне на живот ложится большая горячая ладонь. Я затаила дыхание. Я голая? В шоке проглатываю громкий крик, что рвался наружу, и затихаю.

– Для прислужницы она слишком бойкая, – грудной баритон прокатывается по мне мягкой волной.

Я непроизвольно хочу свести колени, потому что теперь понимаю, что лежу на твердой поверхности с разведенными в стороны ногами и с захваченными в плен цепких пальцев руками с двух сторон.

– Она точно приняла настой?

Тихое мычание в ответ, и я в ужасе осознаю, что меня опоили каким-то дерьмом и теперь хотят совершить с помощью моего тела какой-то обряд. Видимо, именно поэтому я сразу не поняла, что лежу голая на твердой поверхности.

– Люди, я вас прошу, вы же не хотите неприятностей? – я решила надавить на чувство ответственности, ведь не могли же такое сотворить безголовые люди, и они, скорее всего, должны понимать, что за изнасилование в нашей стране предусмотрено уголовное наказание. – А если вы меня не отпустите, то я вам их устрою.

«Это что сейчас было? – спрашиваю уже сама себя. – Ты что, Лена, им угрожаешь? Лежа голый невесть где, ты пытаешься им угрожать? Ну, ты точно нездоровая на голову».

– О чем она бормочет, теридАт [так называют прислужниц принца]? – спрашивает мужской голос, видимо, обращаясь к кому-то.

«Что значит, бормочу? – тут же хотела спросить обладателя столько проникновенного голоса. – Интересно, кто это? На голос босса совсем не похоже. Может, кто из сотрудников решил пошутить? Но я почти каждого знаю в лицо, недаром же работаю в отделе кадров, и этот голос точно слышу впервые».

– Господин, все было сделано, как вы велели, – слышу возле самой головы нежный девичий сопрано.

Меня будто током пронзает, когда я снова ощущаю невнятную трепещущую внутри панику. Я все эти голоса слышу впервые, и это до жути пугает.

– Тогда нужно добавить к Оксуса [наркотическое вещество] больше, сделай каплю ей на кончик языка.

Этот голос сводит меня с ума. Я не хочу его слушать, потому что от его тембра мурашки разбегаются по моему телу, и кажется, что каждый волосок встает дыбом.

– Не-е-ет, не-е-ет, – мотаю я головой, когда к моим губам прикасаются тонкие пальцы, – ничего не надо мне капать!

Но неожиданно мою голову берут в тиски еще одни руки. Господи, сколько же их тут? Я теперь в полном плену, без возможности сопротивляться. Только зубы крепче сжала, чтобы рот не смогли открыть, но моим надеждам суждено было рассыпаться в пух и прах. На щеки сильно надавили, и я от боли открыла рот. Тут же на кончик языка что-то капнули, и я уже

приготовилась выплюнуть эту гадость, когда прохладные пальцы плотно сжали мои губы, не давая свершить задуманное.

«Все это дурацкий сон, такого не может быть со мной, – пыталась уговорить я себя. – Чем же я могла прогневить вселенную, что мне достались такие испытания?»

Я на миг ушла в себя и даже не сразу заметила, что с моего лица соскользнула повязка, и теперь я смотрю в желтое небо. Это желтое небо так красиво расцветает разными радужными красками, что в душе наступает покой от созерцания прекрасного. И все это чувство эйфории спускается вниз и концентрируется в области живота, скручиваясь в тугой узел ЖЕЛАНИЯ? Откуда оно появляется?

Чуть приподнимаю голову, отрывая ее от твердой поверхности, и украдкой вращаю глазами по сторонам, пока не встречаюсь взглядом с янтарными глазами мужчины, что стоит между моих раскинутых в стороны ног. Во рту мгновенно пересохло, когда эти самые глаза хищно сузились.

– Она совсем ничего не понимает? – вскидывает мужчина бровь, а я уже с жадностью и интересом рассматриваю это сексуальное тело, словно вылепленное умелыми руками скульптора.

Загорелая кожа, отливающая бронзой, покрывает сплошь перекачивающиеся от малейшего движения мышцы, ни жиринки. Широкий разворот плеч и мускулистые руки с дорожками выпуклых вен, овивающих руки, привели меня в неопиcуемый восторг. Ну, условно говоря, как и весь он сам, начиная от макушки и заканчивая выпирающим из-под белой повязки детородным органом. Я облизнула пересохшие губы.

«Да наш директор и в подметки не годится этому богу секса», – пронеслось в голове, и мне не показалось, я даже бедрами повела от желания почувствовать на себе его руки.

– О-о-о, – мужчина сложил чуть припухшие губы трубочкой и теперь уже глядел на меня с интересом. – Смотрю, не такие уж и чистые прислужницы у нашего императора.

Он нарочито медленно провел указательным пальцем, украшенным массивной печаткой, между моих грудей, а я лишь на миг задержала на них взгляд, понимая, что с ними что-то не то. Но палец мужчины, скользя дальше вниз, отвлек от посторонних мыслей, зафиксировав внимание на себе.

Я шумно вдохнула в себя вдруг ставший вязким воздух, когда он коснулся самого чувствительного места на моем теле, а когда он надавил и чуть сжал между пальцами холмик клитора, из горла вырвался стон.

– Готова, значит, – криво усмехается он и смотрит поверх моей головы.

Он делает пальцами знак, и практически в ту же секунду рядом с ним появляется чернокожий мужчина.

– Кто ты? – выталкиваю изо рта вопрос, на который и не особо уже хочу получить ответ.

Осознание происходящего приходит медленно, и теперь я уже не могу сказать с точностью, что я не сплю. Это, скорее всего, сон, и я решила не сопротивляться, потому что просыпаться уже совсем не хочется, хочется продолжения.

В голове туманом расползаются мысли, а вот чувственность тела, наоборот, достигает максимума.

– Ида, слушай, – бархатистый баритон ласкает слух, и по его интонации понимаю, что он обращается ко мне.

Ида [приближенная прислужница Императора], почему он меня так называет? Все же где-то в подсознании плещаются мысли о том, что это не сон, и что, скорее всего, я сейчас нахожусь в ловушке у сектантов.

– Да? – губы растягиваются в улыбке, и я перевожу взгляд на мужчину.

– Ты хоть раз занималась фИлё? – вопросительный тон и это взгляд, а еще эти пальцы, которые безостановочно ласкают внутреннюю сторону бедер, практически не дают думать.

– Филё? Что это? – чуть раскрываю веки и всматриваюсь непонимающим взглядом в янтарные зрачки чуть подкрашенных глаз.

Господи, этот мужчина сводит меня с ума. Закусываю губу, когда улавливаю еле заметное движение его языка, которым он проводит у себя между губ, и там, внутри, между ног разгорается пламя.

– Да, – рвано выдыхаю я после того, как он пальцем касается мокрого лона.

Мужчина довольно улыбается.

– Это очень хорошо, ида, очень, значит, мне не придется держать ответ перед Императором.

И тут же его губы сжимаются в тонкую полоску, но это никак не портит его лицо, а с точностью до наоборот, только подогревает интерес к его персоне.

Если это все постановка, то зачем он постоянно упоминает Императора? Я же согласилась, можно и закончить весь этот цирк, главное, что от этого всего театра можно и самой получить удовольствие, и надеюсь, мне завтра за это не будет стыдно перед коллегами.

Отрываю взгляд от созерцания божественного тела и вглядываюсь в лица дев, что стоят по обе стороны этого импровизированного ложа. Нет. Не могу угадать в них и намека на то, что знакома с ними. Все же загадка есть, и мне хочется ее разгадать прямо сейчас. Как я могла тут оказаться, и почему, самое главное, почему я ничего не помню.

– Девушки, а из какой вы организации? – заглядываю им в лица, но в ответ только молчание. – Да вы не подумайте, мне все нравится, – начинаю настаивать я, ищу в их глазах ответы, но безразличие во взглядах говорит о том, что они либо очень искусно играют свою роль, либо находятся под каким-то веществом, как, в прочем, и я.

– Ида, ты не должна говорить ни с кем, – осязательный хлопок по лобку, и я застыла от неожиданности.

Он меня только что ударил? Вскидываю вверх брови и снова перевожу взгляд на Аполлона, точное сравнение. Этот мужчина похож именно на него, только вот... Скользнула взглядом по телу вниз. Только вот член у него как минимум раз в несколько больше. Грудь дернулась вверх, оповещая о глубоком вдохе.

– Ида, хочу услышать от тебя, какой запах ты предпочитаешь больше? – он говорит, нарочито растягивая каждое слово.

– Ну, не знаю, – пожимаю плечами, – мне нравится запах чайной розы, есть такое?

Блеск в его глазах, и теперь радужка наполнена желтым оттенком.

– О, да, гликья [милая], в доме госпожи Георгджины есть все запахи мира, – он тянет руку к подносу, который держит худощавый мулат, и что-то аккуратно трогает кончиками пальцев.

– Муса, как ты думаешь, запах розы скрыт здесь?

В голосе полно иронии, но я на нее не обращаю внимания, концентрируюсь на том, что он там трогает руками. Наготы своей уже совершенно не стесняюсь, хотя не могла похвастаться бесстыдством в обыденной жизни. В этом месте как будто все барьеры сошли на нет, и вот результат, я уже лежу нагишом, на меня пялится как минимум человек десять по моим подсчетам, а мне плевать. Мне, видите ли, очень важно понять, что там рассматривает герой моего очень скорого наслаждения. Внизу живота заныло с новой силой, как только представила его член во мне.

– Вот, этот, – отвлекает меня от мыслей его голос, и он поднимает вверх тонкую прозрачную хрень, которая мне очень напоминает использованный презерватив.

– Что это? – заикаясь, спрашиваю его.

– Это, ида, пропуск в мир наслаждений, – его губы искажает хищный оскал, и мое сердце екает в груди, а в коленках разливается слабость. – Переворачивайте ее, она давно готова.

– Готова к чему? – не понимая спрашиваю его, когда четыре пары рук, не обращая внимания на мое сопротивление, быстро меняет позу моего тела.

Снова словно тиски сжимаются на отдельных его частях.

– Что вы собираетесь делать? – вскрикиваю я, когда мои ягодицы раздвигают в разные стороны.

– Ида, тебе лучше помолчать, – слышу голос над головой, но он скорее похож на тихий шелест, чем на полноценное предупреждение.

– О-о-о, – раздается сзади, и холодный палец касается узкого анального колечка.

– Нет, нет, нет, прошу, – затараторила я, – я не готова, я никогда этого не делала.

– Вот и прекрасно, милая, – ладонь ложится мне на спину и, надавливая на поясницу, заставляет выгнуться довольной кошечкой, оттопыривая попу кверху, – начнем.

И тут же в узкий проход полилось что-то вязкое и прохладное, а следом, будто тараном, проник палец. Я точно чувствовала палец, и ощущение, сказала бы, не из самых неприятных. Из горла вырвался стон, когда Аполлон стал им активно работать, растягивая в разные стороны тугие мышцы. Все, на что я была способна в тот момент, так это подмахивать ему бедрами и издавать протяжные стоны.

Приближающийся оргазм волнами накатывал на меня, стремясь выбросить из сознания столь неоднозначными ощущениями, но я старалась оставаться здесь, чтобы до самой последней капли выпить этот сладкий коктейль наслаждения.

Секунды оставались до того, чтобы феерично закончить этот шквал эмоций, когда вдруг там стало пусто. С моих губ слетел разочарованный выдох, но спустя миг к узкой дырочке уже присоединилось что-то мягкое и большое. Я затаила дыхание в преддверии новых ощущений и даже выгнула поясницу в ожидании их.

Крепкая рука сжала волосы на затылке, выгибая меня чуть сильнее, и мужчина резко толкнулся бедрами вперед, врезаясь в мой зад огромным членом, разрывая не только мою попу, но и сознание на множество мелких атомов.

Последнее, что я помню, это истошный крик, который, царапая мне горло, вырвался наружу, а потом настало тягуче-черное забвение, в котором я утонула с удовольствием, главное, не чувствовать ту боль, что разорвала мне низ живота секунду назад.

Глава 2

Очнулась я от того, что к моей попе нежно прикасаются. Да так умело и быстро раздвигают ягодички, что глазом не успела моргнуть, как внутрь уже проникает что-то прохладное и мягкое. Ошарашенно вскакиваю и озираюсь по сторонам.

– Ида, аккуратнее, позволь заложить мазь.

За моей спиной сидит молодой человек. И если бы не шок от стеснения и стыда, я бы сказала, что это сам ангел спустился, чтобы позаботиться обо мне. Белоснежные волосы чуть спутаны, а припухшие губы он чувственно закусывает, стараясь превратить всю эту процедуру в более приятную для меня, но вместо благодарности...

– Эй! Что ты делаешь? Это розыгрыш?

Откидываю его руку и подбираю под себя ноги. Отползаю на большой кровати, вжимаюсь телом в металлическую решетку.

Парень смотрит на меня непонимающе, как будто все происходящее он считает нормальным.

– Что ты так смотришь? Ты представляешь, что похищение и удержание человека против его воли карается законом?

Ноль реакции.

– Эй, ты вообще русский понимаешь?

– Ты что так орешь-то? – говорит он. – Тебя тут никто не удерживает, просто я посчитал, что тебе будет лучше подлечиться, прежде чем отправляться к Императору.

– Что? – уставилась я на него. – О чем ты вообще говоришь?

Я оглядываюсь по сторонам. Оказывается, в комнате, где мы находимся, поблескивает множество склянок и пузырьков, которые расставлены по многочисленным полочкам, а большая кровать посередине отделена лишь балдахином от внешней обстановки.

– Слушай, парень, – я делаю резкий выпад и подползаю к молодому человеку вплотную, – где я нахожусь, а? Что это за место? Я хочу домой, хочу выбраться отсюда. И вообще, объясни, как такое возможно в двадцать первом веке?

Я прервала свой монолог, потому что глаза парня с каждым моим словом становились все шире. А у меня тем временем фантазия разыгралась не на шутку. Окинув парня быстрым взглядом и сглотив пересохшим горлом слюну, стыдливо отвожу глаза.

Безукоризненное поджарое тело с оливковым загаром было прикрыто лишь одной набедренной повязкой, а татуировка, что украшала низ его живота, соблазнительно ускользала под эту самую повязку. Я проглотила очередную порцию слюней. Чуть отодвинулась от этого ангела, потому что сексуальность, кою он источал, даже мне трудно было не заметить. Хотя после того, что делал со мной тот Аполлон, мне казалось, что теперь вообще о сексе думать никогда не буду в положительном ключе. Матерь Божья, что я вообще несу? Провожу рукой по лицу.

– Слушай, парень, забудь.

Трогаю его за руку, скорее потому, что очень хочется прикоснуться к этой бархатистой коже, нежели из надобности. Чистейший шелк на ощупь. Отрывисто вдыхаю в себя воздух.

– Просто помоги мне выбраться отсюда, – прошу, а сама подсаживаюсь к нему чуть ближе. – Я сделаю все, что захочешь, – приближаюсь еще на несколько сантиметров, – пожалуйста.

Он вдруг неожиданно сильно хватает меня за плечи и удерживает на расстоянии.

– Ида, тебе нужно идти к Императору, а иначе он может наказать тебя, – он разжимает руки и встает с кровати, отходит от меня. – Я не понимаю, откуда ты такие речи взяла, но не забывайся.

– Да о чем ты? – я подскакиваю с кровати и тут же от скрутившей низ живота боли падаю обратно, заваливаясь на бок.

– Ну, вот, о чем я говорил, – он подходит и нежно трогает мое плечо. – Позволь, помогу?

Смотрит своими голубыми глазами в мои, а я от стыда краской заливаюсь, стоит только представить, что он подразумевает под словом «помогу».

– Дай мне мазь, ангел, я лучше сама, – выдыхаю я и опускаю глаза.

Парень пожимает плечами, а я сквозь пелену влаги, затянувшей глаза от боли, смотрю на него и люблюсь. Матерь Божья, да помоги мне сохранить себя и выбраться из этого места.

– Ангел, ты мне так и не сказал, что это за место? Где я нахожусь и как сюда попала?

Хотя, глядя на его одеяние, да и на весь облик, понимаю, что это что-то греческое, потому что память подвести не может. В Греции я, правда, была всего лишь однажды, но вот секс с греком запомнила надолго.

– Вот, ида, держи, это нужно втереть как можно глубже, – в его зрачках вспыхнул интерес, и это ни с чем нельзя было спутать, его сложно было не угадать, и мои щеки снова загорелись пламенем стыда.

– Отвернись, пожалуйста.

Парень снова пожал плечами, но просьбу исполнил. Отошел к круглому столику на низкой ножке, а я выковырнула кусочек мази из склянки и задействовала ее по назначению.

Гадство... Зажмурила глаза от боли, когда коснулась израненной плоти. Изверг. А выглядел как благородный мужчина. Я закусила губу, чтобы не издать стон отчаяния, засовывая палец дальше.

– В следующий раз будет проще, – услышала я голос и вздрогнула, глянула на ангела, но он так и остался стоять спиной ко мне. – Зачем ты обманула Принца, что занималась филё?

Я смотрю на его лопатки, а сама взглядом рисую на них крылья ангела. Он меня что сейчас, отругать хочет? Да если бы я знала, что это слово обозначает, никогда подобного не признала бы.

– Я не знала, – ответила ему, а сама на ложбинке между крыльев взгляд сосредоточила, отвлекаясь от боли.

– Принц никогда бы не взял тебя, если бы ты не солгала. Для чего ты это сделала, ида? – он поворачивается ко мне лицом, и я задыхаюсь от взгляда, которым он смотрит на меня.

– Дай мне салфетку, ангел, – аккуратно переваливаюсь на одну ягодичку, не садясь полностью на попу.

– Ответь, Лейалана.

Два шага понадобилось парню, чтобы оказаться рядом, он присел передо мной на одно колено и, взяв руку, которой я накладывала мазь, начал обтирать каждый палец влажной тряпичкой, пахнувшей сладким мандарином.

У меня внутри все сжалось от его близости, и между ног нестерпимо заныло. Захотелось срочно раздвинуть колени и прижаться к его торсу всем естеством. Божечки-кошечки.

Я шумно выдохнула и закатила глаза от переизбытка чувств.

– Лейалана, что с тобой? – он обхватывает мое лицо ладонями, а я в обморок готова свалиться.

Он так прекрасен, что его действительно можно принять за божество. Ну, давай же, ангел, еще немного... Прошу его взглядом о поцелуе.

Нет, я точно сумасшедшая, но сейчас мне плевать, сейчас хочу на своих губах почувствовать вкус его губ. Слишком они сладки на вид, и отказаться от них просто нет сил. Я чуть подаюсь вперед, сама делаю первый шаг и с наслаждением закрываю глаза, когда чувствую, как мимолетный поцелуй превращается во что-то большее. Жадные губы парня сминая мои, а влажный дерзкий язык врывается в рот, захватывая в плен не только все пространство внутри,

но и дыхание, которое теперь становится одно на двоих, переплетается, и стоны вырываются из груди одновременно.

Тело живет словно отдельно от меня, потому что пальцы уже исследуют этот мускулистый торс, задерживаясь на каждом участке лишь на секунду, ведь жадные руки хотят потрогать его всего. Упругие ягодички, напрягшиеся от прикосновения моих бесстыдных ладоней, и дальше, чуть выше, вдоль позвоночника по шелковистой коже вверх. Впиваюсь в волосы на затылке и уже яростно прижимаюсь к ангелу ближе, теснее, а между ног пожар, и даже боль, что ощущалась до этого, ушла на второй план. Хочу его здесь и сейчас.

Пальцы лихорадочно впиваются в его кожу, и я иступленно пытаюсь встать к нему ближе. А внутри все разрывается на куски. Кожа будто разлетается в клочья в попытке высвободить тот вихрь эмоций, что захлестнул меня. Мать Божья, что я творю? Взрослая женщина, а кидаюсь на этого мальчика, как оголодавшая по мужским ласкам нимфоманка. Но его запах пленит. Он словно наркотик, который стоит только вдохнуть, и тут же в нем тонешь, забывая все благочестие, что до этого хоть немного, но присутствовало внутри.

– Ида, что ты творишь?

Но слова совершенно противоречат действиям рук. Его ладони ласкают мое тело, сжимая все выпуклые места с такой жадностью, что кончики ушей от жара его пальцев горят.

– Я не знаю, что здесь происходит, ангел, – выдыхаю я вместе со стоном, потому как моя разгоряченная мокрая киса касается его эрегированной плоти, а разделяющая нас тонкая материя лишь придает остринки в столь пикантный момент, – и пусть мне даже придется сгореть со стыда после того, как представление закончится, но я хочу тебя.

И снова мои губы впиваются в его, а тело звенит от переполняющего желания, и кажется, еще немного, и я просто кончу вот так, без всяких проникновений, ограничиваясь одними только касаниями друг о друга.

– Это надо остановить, – снова подает голос парень и в тоже время поворачивает меня к себе спиной, собирает в кулаки подол туники, что на мне надета. Стискивает ягодички крепкими пальцами и вжимает в них свой член.

Господи, это волшебно. Мычу от удовольствия, а сама уже в предвкушении, что же будет со мной, когда он проникнет в меня.

– Давай же, миленький, не томи, – сквозь зубы прошу парня.

И он не заставляет просить дважды, одним рывком раздирает тунику на спине на две части. У меня от возбуждения и от его прикосновений мурашки по спине пробежали и опустились в пятки, щекоча поджилки. В мозжечке, где-то очень далеко, колыхнулся страх, что будет больно, но это очень быстро прошло. Стоило только ангелу коснуться губами шеи, и я не смогла сдержать стон, забывая обо всем на свете. Выгнулась к нему навстречу дугой, аж почувствовала, как каждый позвонок щелкнул.

«О, как я могу, оказывается», – усмехнулась я про себя, а сама заерзала чересчур увлажнившейся кисой по его паху, прижимаясь в призывном томлении.

– Ида, что мы творим?

– Все нормально, это же на моей совести останется, не переживай, ангел.

Если так и дальше продолжится, то каши с ним не сварить. Я пропускаю руку между ног и касаюсь пальцами члена.

– Божечки, – выдыхаю, как только осознаю масштабность того, что сейчас сжимаю в руках.

– Не бойся, Лейалана, я буду аккуратен.

И я отчего-то я ему верю.

Парень нажимает мне на поясницу сильнее, и я запрокидываю голову ему на плечо,ставляю ноги шире. А он наконец-то начинает действовать.

Затаиваю дыхание, почувствовав внутри упругую головку, и чуть опускаюсь вниз.

– Господи, мне кажется, ты слишком большой для меня, – а сама руки закидываю назад и обнимаю парня за шею, прижимаясь к нему плотнее.

Он держит меня за бедра, контролирует процесс. Еще сантиметр, и меня разрывает оргазм, из груди вырывается животный стон. Это невероятно. Так ярко и крышесносно, дыхание сбилось окончательно, и в глазах звезды летают, а в уши будто попала вода. На миг я оглохла совсем.

– Ида, – видимо, не в первый раз зовет меня парень, потому что голос взволнованный.

– Ух-х-х-х, милый, дай отдышаться, и сейчас продолжим, – успокаивающе, с придыханием отвечаю ему.

– Нет, – резко говорит он и ссаживает меня с колен на матрас.

Я в недоумении смотрю на него.

– Что случилось?

– Я хочу задать тебе тот же вопрос, Лейалана, – он смотрит мне в лицо с тревогой, и это так смешно, если честно.

Ребенок, стоящий передо мной с поднятой сверху набедренной повязкой, смотрит на меня так... по-отцовски укоризненно, что ли? Я не удержалась и захихикала.

– Ребенок, прекращай устраивать цирк, – расправляю плечи и встаю с кровати.

Моя туника держится лишь на тонком ошейнике, который не удалось порвать ангелу. Покачивая бедрами, подхожу к нему вплотную и кладу руку на член.

– Что тебя смущает? Разница в возрасте? Так, насколько я понимаю, в вашей профессии не существует возрастных ограничений.

Теперь я все поняла и, скорее всего, внутренне нашла объяснение всему тому, что здесь творится. Это все Катя подстроила. Ну, потому что некому больше. Только она знает, что у меня нет никакой личной жизни, как и мужчин вот уже два года, как обхожусь фиолетовым другом, что лежит на верхней полочке в шкафу. Ну, а что? Женское здоровье превыше всего. И вот, видимо, подружка решила вбухать бабки в это мини-представление для меня. И после этого осознания с каждой минутой я жду окончания шоу, но пока оно продолжается, хочу получить от этого чуда божьего все, что мне причитается. И плевать, что он лет на десять младше. Самое главное, что он осознанно шел на эту работу и должен был прекрасно понимать, что окажется в услужении великовозрастных женщин.

Парень перехватывает мою руку и отстраняется на шаг.

– Лейалана, почему ты сказала Принцу, что занималась любовью?

О-о-о, вот что значит это странное слово «филё».

– Игра продолжается, – вскидываю брови, – ну, о?кей, – улыбаюсь парню, – мой дорогой ангел, может, потому что это правда?

– Ты лжешь, – повышает он голос и резко отходит от меня.

«Что за нахер?» – возмущаюсь про себя. Эта игра уже начинает раздражать.

– Мне надоело, ребенок, – говорю ему, – уже в который раз прошу закончить этот театр. Или тебе заплатили за то, чтобы ты ломался тут передо мной, как целка?

Прикусываю язык. Что я мелю? Но, с другой стороны, меня это в действительности начало напрягать.

– Ида, ты, видимо, повредила голову, и тебе нужно показаться к другому лекарю, – он приподнимает брови. – Я, к сожалению, могу залечить только телесные раны, а тебе нужно пообщаться с духовником.

– Мгу, может, еще по твоей рекомендации к психотерапевту сходить? – бурчу под нос. – Где моя нормальная одежда, ангел? И объясни наконец-то, что происходит?

– Ты девственница, Лейалана.

Столько скорби в голосе я еще ни разу ни у кого не слышала.

– Что-о-о-о? – выпучиваю на него глаза, когда до меня доходит смысл сказанных им слов. – С чего ты это взял, ребенок? – смотрю на него в упор. И он еще мне советует к психиатру сходить. – Да ты знаешь, со скольких лет я уже сплю с мальчиками? С семнадцати. Понимаешь? А сейчас мне как бы тридцать два, и уже как... – я прикидываю в уме, сколько лет я не девственница ни разу. – Пятнадцать, ангел, пятнадцать лет я уже как взрослая девушка.

А парень только повернулся ко мне спиной и что-то усердно выводит на бумаге. Я стою в недоумении. Что-то странное происходит вокруг. Дотронулась до щеки пальцами. Ну, да, кожа мягкая и ровная, будто и не прошло пятнадцати лет после моего первого раза. Но тогда это было так поганенько, что даже вспоминать мерзко. Вдруг во мне возникла необходимость срочно взглянуть на себя в зеркало. Хотела, скорее всего, убедиться в том, что с моим фейсом все в порядке, и я не выгляжу как отекий японец во время долгого запоя.

– Ангел, а здесь вообще имеется зеркало?

Парень машет мне рукой в направлении стены, на котором висит большой медный круг. Нет, ну, они реально издеваются, что ли?

«Но... – тяжело вздыхаю, – раз этого требует постановка, надо подчиняться правилам».

Неспешным шагом пересекаю большую комнату, подхожу к начищенному до блеска кругу и смотрю в него. Ага, глаза, рот, нос на месте. Щеки немного впалые, но ничего, надо просто поспать, и все пройдет. Старость, Леночка, не в радость, человек с каждым годом, к сожалению, не молодеет.

Ага, интересно, когда я так успела накраситься? Длинные стрелки под глазами и на верхнем веке, черные ресницы. Русые волосы выпрямлены и спрятаны под ободок желтого цвета, я его даже и не почувствовала на голове. Стоп. Лена, очнись.

Теперь я уже по-другому смотрю на ту девушку, что в отражении расширила от ужаса свои глаза.

– Кто это? – провожу дрожащими пальцами по кругу и не верю в увиденное. – Что вы со мной сделали? Я не хотела пластических операций!

Поворачиваюсь на пятках к парню и добегаю до него в считанные секунды, хватаю за руку и разворачиваю к себе.

– Что вы со мной сделали? – заглядываю в лицо, пытаюсь найти хоть какой-то ответ, но он смотрит на меня с таким искренним удивлением, что не сдерживаюсь и кричу вслух: – Ка-а-а-тя!!!

Глава 3

Глазами я нашла выход из этого места и ринулась к нему. Катька, сучка, убью. Пусть потом в тюрьме придется даже отсидеть, зато на душе станет легче. Толкаю тонкое полотно от себя. Не поддается. Еще раз. Да что же такое! В сердцах топаю ногой и больно впечатываюсь ступней в пол, закатываю глаза.

– Ида, что ты злишься, я не понимаю? – слышу голос ангела за спиной.

Не оборачиваюсь, берусь за ручку и распахиваю дверь, теперь уже на себя. Выдыхаю и делаю шаг наружу, затаив дыхание в ожидании того, что сейчас на меня свалится шквал хохота и всяких непристойных шуточек.

Первым чувством, что обуяло меня, когда я вышла из комнаты, был ШОК! Глаза готовы были вылезти из орбит от увиденного, а дыхание сбилось, и очередной выдох застрял в груди.

– Что это? – хриплый голос вырывается наружу. – Что происходит? Где я?

Огромный зал с высокими колоннами, подпирающими полукруглые своды потолка, простирался в разные стороны на многие десятки метров. Снующие люди туда-сюда были одеты однотипно, только цвет отличался: у кого-то полотна белые, а у кого-то темные. А некоторые и вообще ограничивались только одними трусами. Мать Божья, как это понимать?

Дворец, я однозначно нахожусь во дворце, это и дурак бы мог понять, и это точно Греция, и опять же только совсем неандерталец не смог бы это увидеть.

– Ида, тебе нужно уходить, а не то тебя накажут.

– Уходить?

Все меркнет перед глазами. Я ничего не понимаю, куда мне надо идти, и почему меня накажут? Я разворачиваюсь вокруг своей оси и заглядываю в лицо парню, который стоит передо мной.

– Где я? Кто ты? – мне хочется задать парню кучу вопросов, но именно после этих двух в горле пересыхает все, будто воды не пила целую вечность.

Неожиданно парень берет меня за плечи и втягивает обратно в комнату, закрывая дверь за моей спиной.

– Лейалана, очнись, – шепчет он горячо. – Они, видимо, переборщили с дозировкой кОкоса, и у тебя помутился рассудок, но это только тебе в минус, Ида. Давай же, вспоминай уже. Мы сейчас в Левадии, во дворце Императора Аркада. Ты его преданная ида, которая не имеет права даже на то, чтобы покинуть пределы священного Перахора [святилище], и я до сих пор не могу понять, как ты оказалась в руках Элата.

Он смотрит мне в глаза, а мне и ответить ему нечего. Я сейчас совершенно ничего не понимаю.

Преданная Императору Ида? Элат, ну, с ним понятно, это тот мужчина, который, ... мать его ети, отымел меня в попу. Внизу поясницы сразу защемило от воспоминаний.

А в голове наконец-то начал понемногу складываться пазл, но разум отказывался воспринимать действительность. Потому что такое бывает только в фильмах и на страничках фэнтезийных книг, но по-настоящему такого происходить не может. Это просто нереально и выбивается из всех пониманий действительности, и вообще. Сердце внутри стучит о ребра так сильно, что хочется плакать навзрыд о себе той, которая умерла в двадцать первом веке. Ведь по-другому я же не могу оказаться здесь. Реинкарнация душ происходит только при одном условии.

– Ида, милая, не плачь, ты обязательно все вспомнишь, я попытаюсь тебе помочь, – парень смотрит на меня с такой нежностью и пониманием, что я уже не сдерживаюсь, плачу навзрыд.

Он обнимает меня, прижимая к себе и легонько поглаживает по спине, от чего мурашки по коже разбегаются. Воспринимает мои слезы неправильно.

– Пойдем, я тебе налью успокоительных капель. Тебе нужно собраться и вернуться в святилище.

Он тянет меня за руку, и я на ватных ногах следую за ним, присаживаюсь на пуф, который он любезно пододвигает мне. Тут же гримаса боли искажает лицо, и я встаю на ноги.

– Забыл, – тяжело вздыхает парень и поджигает губы в досаде.

– А как тебя зовут, ангел? – спрашиваю его осипшим голосом, потому что внутреннее чутье подсказывает, что он очень плотненько общается с той девушкой, в теле которой я сейчас нахожусь.

– Алей, – отвечает ангел и одновременно протягивает мне чашу, на дне которой болтается какая-то мутная жидкость.

Недоверчиво смотрю на это пойло, потом перевожу взгляд на ангела. Он понимающе кивает.

– Не бойся, это должно помочь, – он подталкивает мои руки и предлагает выпить.

Набираю полный рот жидкости и шумно глотаю, затихаю на миг, но думаю, хуже уже точно не будет. Невозможно умереть два раза подряд. В глазах снова появляется знакомое пощипывание, и в груди начинает щемить.

Лена, успокойся, сейчас не время превращаться в размазню, надо собраться.

– Что? Что ты чувствуешь, ида? – спрашивает парень и внимательно вглядывается в мое лицо.

– Да все со мной нормально, не переживай ты так, нервы расшалились только. А так все нормально, – допиваю жидкость и ставлю чашу на стол, а свободной рукой отмахиваюсь от расспросов Алея.

Подхожу к зеркалу и уже по-другому всматриваюсь в лицо той девушки, в теле которой оказалась. Темно-русые волосы обрамляют худенькое личико. Пухлые губы, впалые щеки, прямой тонкий нос и глаза, ярко-голубые глаза. Я бы могла с точностью сказать, что это линзы, но... почему я сразу не заметила этот яркий цвет, когда первый раз смотрелась в зеркало? И возраст. Теперь, при более тщательном рассмотрении, я понимаю, что девушка юна. Лет восемнадцать, не больше. Растягиваю губы в улыбке, и дух захватывает от того, как преобразается лицо красотки. Я хоть и Леной была не такая уж и страшная, но вот это чудо, что смотрит на меня, похоже на прототип богини какой-то.

– Лейалана, тебе надо возвращаться, – вторгается в мои размышления голос парня, и я оглядываюсь на него.

Ангел с тоской поглядывает то на меня, то на дверь.

– Если тебя начнут искать, то это будет плохо, – грусть проскальзывает в его голосе.

– Но я не помню, куда надо идти, Алей.

Его лицо вытянулось так сильно, что мне показалось, оно может от натуги треснуть.

– Не смей называть мое имя, – он прикасается пальцем к губам, – не смей, тебе вырвут за это язык, ты не должна произносить ни одного мужского имени, – на миг задумался. – Лейалана, о, Зевс всемогущий, что же с тобой произошло?

Я испуганно бегаю глазами.

– Не хочу, чтобы мне вырвали язык, слышишь? – цепляюсь за его руку. – Я вообще ничего не помню, что мне делать, ангел?

– Я думаю, думаю, ида...

И я видела, что он думает, не стала ему мешать, подошла к двери и приоткрыла немного, выглядывая наружу.

– Матерь Божья, это действительно все правда.

У меня перехватило дух, когда заметила, как из-за колонн выходит отряд мужчин, облаченных в военные костюмы. Черт, да это прям кадр из фильма про триста спартанцев. Голые торсы расчерчены четкими шестикубиковыми прессами, на загорелом теле ни единого жира-

вого отложения, одни только рельефные мышцы, испещренные толстыми жилами. На бедрах железными пластинами позвякивают доспехи, сделанные в виде короткой юбки. Кожанные ремешки овивают мощные предплечья, и при каждом шаге бьются о ляжки мечи. Лица скрыты шлемами.

Я невольно сглотнула, но это не помогло. От страха ноги подкосились, и я присела на корточки. Мать Божья, как же к этому теперь привыкнуть? Да меня инфаркт накроет прежде, чем мозг сможет адаптироваться к здешним условиям.

– Ида, что там? – тут же сзади почувствовала легкий ветерок, прокатившийся по оголенным плечам и спине. – Стража, делает обход, – раздалось над моей головой. Он тронул меня за плечо. – Тебе нужно переодеться и уходить. Я тебя провожу, а дальше, возможно, ты вспомнишь что-то.

Я коротко кивнула и глянула через плечо. Парень держал в руках белую материю. Я забрала ее и пошла за балдахин, которым была закрыта кровать.

Дыхалка перестала работать уже через несколько десятков метров после того, как мы вышли из комнаты Алея. Было ощущение, что я задохнусь сейчас, правый бок кололо настолько, что казалось, еще немного, и печень выпрыгнет наружу. Но парень продолжал идти, даже ни разу не обернувшись и не поинтересовавшись, следую ли я за ним. Знал, гаденыш, что никуда не денусь, поэтому и вел себя так.

Впереди показался большой просвет, и только подойдя ближе, я поняла, что это внутренний двор. Здесь резвились детишки, играя в подвижные игры, а возле небольшого фонтанчика, что был расположен под кронами низких деревьев, на камнях расположились то ли няньки, то ли мамки этих малышей, неотрывно наблюдающие за их возней. Только одна дамочка скользнула по мне косым взглядом и тут же, отвернувшись, опустила глаза. Я почему-то последовала ее примеру и сделала то же самое, хотя внутри что-то кольнуло, мне показалось, что сделала я это зря.

Догнать ангела мне удалось лишь потому, что он сам остановился. Зайдя за круглую колонну и спрятавшись за ней от посторонних глаз, потянул за собой.

– Дальше мне нельзя идти, Лейалана, дальше начинаются границы святилища.

– Ага, замечательно, – обреченно вздыхаю, – и что же мне делать-то, а?

– Ида, ты меня пугаешь. Ты действительно ничего не вспомнила?

Отрицательно мотаю головой, отчего в голове зашумело.

– Тогда слушай и запоминай, если что, скажешь, подвернула ногу и стукнулась о камень головой.

Я закивала.

Парень мне быстро шептал, при этом постоянно оглядываясь по сторонам, а я повторяла за ним. Нехотя внутри шевельнулся страх, поселяя беспокойство в душе. Но самый пик паники меня настиг тогда, когда парень повернулся ко мне спиной и, не оборачиваясь, пошел прочь.

А внутри пустота будто разлилась. Первой реакцией на его уход было броситься следом и не отпускать, но я продолжала стоять на месте. Мне казалось, что ноги зацементировали в крепкий раствор, и выбраться из него не предоставлялось возможным. Надо успокоиться. Лена, ты взрослая адекватная женщина, прекрати себя вести, как потерявшийся в большом неуютном аэропорту ребенок, которой, забравшись с ногами на лавку, громко плачет и зовет мамочку.

Аж дыхание от воспоминания перехватило, оно так вовремя пришло из детства, что памяти пламенный привет захотелось передать, и чтобы сдохла она там, где-нибудь на задворках вместе с отголосками моей уже прошлой жизни, потому что они только сбивают, а не помогают. Сейчас нужно сосредоточиться и мыслить хладнокровно, а не жалеть себя, бедненькую и несчастную. Реальность, детка, такова, что воспринять ее нужно как есть. Выживи или умри,

третьего не дано. Вспоминаю все то, что говорил мне парень и, собравшись с силами и волей, наконец-то отрываю ногу от земли, иду в сторону храма, где, по его словам, я живу.

Девочка, миленькая, помоги мне вспомнить, что нужно делать. Ведь не может же быть такого, чтобы все ушло, и не осталось ничего в памяти, так не бывает. Закрываю глаза и задерживаю дыхание, прислушиваюсь к себе внутри, вдруг откроется чакра, и на меня хлынет поток информации.

Пять, четыре, три, два, один, ноль, ноль, ноль... Я зажмурила глаза, напрягла все мышцы, которые, как оказалось, отозвались все, чего я не могла наблюдать в своем бывшем теле.

«Девочка в отличной физической форме», – пронеслось в голове.

– Фу-у-у-у-ух, – наконец-то выдыхаю и открываю глаза, – ничего. Такая жалость, – вздыхаю вслух и тем временем уже дохожу до ступенек, что ведут вверх, к дверям святилища.

От представшего перед глазами величия захватило дух. Задержала дыхание, когда наконец-то забралась на последнюю ступеньку, и замерла перед расписанными золотой ковкой дверьми, ведущими в храм. Восхищенное «вау» вырвалось помимо воли, но тут с эмоциями действительно было сложно совладать. Эта роскошь и великолепие слепили глаза. Даже ладонью хотелось прикрыться от золотого сияния и чистой белизны вокруг.

– Наконец-то явилась, – вдруг раздался сбоку скрипучий женский голос.

Вот нужно было все испортить этой... поворачиваю голову, и повторное «вау» вырывается снова. Вскидываю ладони к глазам в отчаянной попытке потерять их, ну, чтобы убедиться, что не сон это все, но вовремя останавливаюсь, вспоминая свое отражение в зеркале. Толстые черные стрелки уж точно трогать не стоит, если не хочу получить эффект панды. Потому ограничиваюсь только похлопываниями по щекам.

– Опять в конюшню императорскую бегала?

Мать Божья, спасибо тебе за заступничество, и что даже здесь не оставляешь меня. Всегда верила, что меня охраняют высшие силы, вот теперь в этом убедилась.

– Да, – отвечаю этому произведению искусств в женском обличье.

– Когда же ты наиграешься, Ида? – вроде как пожурела меня женщина. – Пошли, тебе нужно еще поужинать перед тем, как отправиться в покои Императора для вечернего омовения.

Я уже хотела было голову склонить перед этой женщиной, которая покоряла своей красотой с первого взгляда, но в позвоночник как будто кол вставили, я даже не то, что поклониться не смогла, но и кивнуть мне не удалось. В голове мелькнула догадка, и, как окажется позже, она полностью соответствовала реальности.

– И помыться тебе нужно тоже, от тебя животинной воняет.

Меня вдруг жаром обдало с головы до ног. Подношу к носу руку и втягиваю запах кожи в себя. На самом деле, от меня пахло апельсином с примесью чего-то странного. Вот же какая сучка. Я прищурила глаза и сложила губы в трубочку. Нужно быть с ней повнимательнее.

А тем временем мы уже дошли до неприметной такой двери в стене, как ни банально, но тоже белого цвета. Она практически сливалась со стеной, и если бы я не увидела, что там есть ручка, ни за что бы не нашла ее. Мозг активно работал, запоминая малейшие детали, что могли заметить глаза. Работа с людьми не прошла бесследно, я могла с одного взгляда определить, кто друг, а кто враг. Десять лет не пропали даром. И кто бы мог подумать, что все мои навыки пригодятся в следующей жизни. В глазах защипало. Ежкин кот, я в этом мире всего ничего, а уже чувствую себя его частичкой. Тоска прокралась в сердце, отравляя душу. Разве можно так? Это же не справедливо, помнить прошлую жизнь. Как можно насладиться настоящим, если тебя не отпускает прошлое?

– Мусса, приготовь для Иды купальню и побыстрее.

Я сосредоточилась на том, что происходит, отгородившись от посторонних мыслей. Надо запомнить как можно больше, чтобы в будущем не попасть впросак.

– Кэра [личная служанка]! – возмущенно вскрикнула женщина, и практически одновременно с ее криком из-за угла вынырнула черноволосая девчушка.

Ее одежда тоже была белой, но длинной, и украшениями отличалась от той, что носила мусса и эта тетка.

– Негодница, – тетка вдруг ни с того ни с сего щелкает девчушку по щеке, и та становится на колени.

– Простите, мэроя [главная прислужница в святилище].

Голос ровный, даже не дрогнул. Вот это выдержка.

– Помогите Иде подготовиться для встречи с Императором, – она вздернула подбородок и пошла дальше вглубь задания, оставляя меня наедине с девчонкой, при этом даже не посмотрела на меня. Сука.

– Пройдем, священная Ида, – девушка склонила голову, а у меня ком в горле образовался, который невозможно вдруг стало проглотить.

«Священная»? Вот это да, кто бы мог подумать. А на глаза слезы наворачиваются. Так вот что имел в виду ангел, когда шептал мне про какое-то предназначение?

– Послушай, – нагоняю девчонку.

Но только протянула к ней руку, как та шарахнулась в сторону так лихо, что не удержалась и свалилась на пол, споткнувшись о свои же ноги.

– С тобой все в порядке? – тут же кинулась я к ней, но она задрожала всем телом, словно осиновый листок.

«Не называй моего имени», – вспомнились слова Алея. «Ты что так смотришь?» – это уже Элат, значит, к прикосновениям здесь тоже относятся подобным образом?

Мозг работал на полную мощность. Я вспоминала всякие истории про греческую культуру, но все безрезультатно, эта часть памяти была похожа на черную дыру.

– Так, что разлеглась-то? – смотрю на девчонку, которая так и продолжает лежать. – Вставай, пошли уже, есть хочется.

О, а я в роль вхожу. Вот только нужно на поворотах быть поаккуратнее. Главное, не переусердствовать. Но дальнейшее поведение кэры дало понять, что я на правильном пути. Еще раз благодарю себя за то, что я по жизни умничка и трудяжка, и вот теперь мне это действительно пригодилось. Психологию людей щелкаю, как орешки.

Глава 4

– О, майн гот!!! – громко протягиваю, погружаясь с головой в прозрачную, пахнущую розами воду.

Чтобы испытать наслаждение, видимо нужно действительно оказаться в другой жизни. Кожу щекочут неизвестно откуда взявшиеся пузырьки, и я расслабленно отдаюсь ощущению блаженства, которое накрывает меня мягким покрывалом.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. И закашливаюсь, выныриваю наружу, громко отфыркиваюсь.

– Это что еще за херня? – возмущенно провожу ладонью под водой и резко сжимаю пальцы, вытаскиваю обратно. Разжимаю и морщусь брезгливо. – Матерь Божья, что это?

Пробкой выскакиваю из купальни и трясусь перед ошарашенной девчонкой пальцами, с которых стекает мутная слизь, похожая на... Господи... Кожа покрывается мурашками, а меня начинает трясти от мерзости, прокатившейся внутри.

– Так, Ида, вы же сами просите пускать для вас в купальню микосин [рыбы, выделяющие слизь], – она опускается на колени и склоняет голову. – Я все сделала, как вы любите, – говорит дрожащим голосом и спину округляет, как будто к удару готовится.

Меня аж током прошибло. Неожиданно для себя осознаю, что девочка-то была совсем не ангел, раз такая служанка у нее зашуганная. Сцепляю зубы и пальцы в кулаки сжимаю. Так, Лена, давай соберись, не время раскисать. Проявлять сейчас жалость слишком опасно, и это может потом боком выйти.

– Принеси мне чистой воды, – цежу сквозь зубы. Надеюсь, голос вышел устрашающий, – да побыстрей.

Притопываю для убедительности ножкой, а у самой при этом сердце кровью обливается, когда вижу, как девочка, не поднимая головы, пятится к выходу на коленях. Отворачиваюсь от нее, не хочу это видеть, а самое главное, сделать ничего не могу. Внутри как будто занозой засело чувство страха, что, если поведу себя по-другому, могут распознать во мне ненастоящую Иду.

Сквозь мысли услышала, как дверь тихонько хлопнула. Глянула через плечо. Девушка ушла. И вот теперь я дала волю чувствам. Задергалась всем телом, как будто в припадке. Господи, как представила, что в этой воде купалась, на затылке волосы зашевелились. Отпрыгав в быстром ритме несколько минут, остановилась отдышаться. В голове от тряски немного прояснилось. Уже лучше. Так, теперь нужно вывести на разговор эту девочку. Сжимаю пальцами виски.

– Ида, вам плохо? – служанка близко не подходит, видимо, боится моего гнева.

– Кэра, – подзываю девчонку, и она мелкой поступью, не выпуская огромного для ее размеров ведра подходит ближе, – помоги мне помыться.

Она вдруг поднимает на меня карие глаза и таращится так, что аж не по себе стало.

– Что-то не так? – удивленно приподнимаю брови.

– Но, Ида, вы же до этого предпочитали, чтобы вам помогал мыться Амин, – она резко ставит ведро с водой и снова в поклоне сгибается пополам, – я его сейчас позову.

Я даже слова от растерянности не успела сказать, как служанки и след простыл.

Амин?

А мне хотелось сказать «аминь» моему душевному равновесию и только-только начавшему стабильно биться пульсу. Если я и дальше буду испытывать такой стресс, это ничем хорошим не закончится. Ищу глазами какую-нибудь ткань, чтобы накинуть на себя, совсем не хочется быть голой перед Амином. Меня уже давно отпустила эта животная похоть, и теперь во мне поселилась стеснительная девушка по имени Лена.

– Госпожа, – слышу я за спиной голос ребенка и в шоке поворачиваю голову.

В глазах потемнело на секунду, я хлопаю ресницами и только и могу, что открывать и закрывать беззвучно рот.

– Это, к-к-к-то? – заикаясь, произношу я и трясущемся пальцем тыкаю в темнокожего мальчишку.

– Ида, – непонимающий взгляд кэры, как звонкая пощечина, приводит в чувства, – это Амин, вы что, не узнаете? Он вам помогает при купании, а я не могу касаться вас, госпожа.

Хоть у меня сейчас внутри полный раздрай, но мозг в этот момент работает, как часы. Пометочки ставит нужные в блокнотик, который я создала несколько часов назад в голове.

Раз. Два. Три... закрываю глаза и делаю шумный выдох.

– Я готова, – разлепляю веки и смотрю перед собой. Фиксирую взгляд на белоснежной колонне, которая украшена вьющимися растениями из гипса.

Мальчишка, которому на вид не больше десяти лет, подходит ко мне и забирает ткань, которой я пыталась укрыться. Твою же мать, да я вся краской залилась, когда он меня взял за руку и повел к каменному корыту, которое стояло в дальнем углу комнаты.

– Госпожа желает помыть волосы? – тоненьким певучем голосом спрашивает он, а сам подталкивает меня переступить бортик и за пальцы вниз тянет, заставляя присесть.

Я выполняю его просьбу и не успеваю коснуться кожей дна корыта (а ведь подумала, как я на холодной плите голополая сидеть буду), как он мне тут же подкладывает под попу простынь. Милашка, я даже улыбку смогла выдавить из себя. Господи, как же это больно – видеть всю эту несправедливость.

– Да, Амин, госпоже не понравилась сегодня молодящая купальня с микосинами, – кэра разочарованно вздохнула.

Я постаралась пропустить мимо ушей то, что этот вздох брошен, будто камень в мой огород. Внутри поднялась волна злости, непонятно, откуда взявшаяся, но я тут же ее задушила, сосредоточившись на внешних ощущениях, отгоняя на задворки всполохи ярости.

Тут же мальчишка запустил в мои волосы ловкие пальчики, и я прикрыла глаза от удовольствия. Массаж головы одновременно с мытьем – это нечто, главное, чтобы они ничего больше не напустили в корыто.

По моим ощущениям прошло примерно минут двадцать, когда мальчишка закончил купать меня, подал полотнище, склонил голову в поклоне и бесшумно удалился, пока я заматывалась в длинную простынь.

– Волосы придется пока не закалывать, нужно, чтобы подсохли, – говорит девчонка, а сама крутится вокруг меня, разглаживая мелкие складочки на ткани.

– А что будет, кэра, если ты меня коснешься? – спрашиваю ее.

– Ну, вам-то ничего не будет, госпожа, – девушка на мгновение замерла, а потом продолжила свою работу, – это, скорее, я пострадаю.

Вот тут мое любопытство зашкалило настолько, что я потеряла осторожность и, выдернув из пальцев девушки полы белой материи, заставила посмотреть на себя.

– Как ты страдаешь, кэра?

Видимо в глазах моих плескался неподдельный интерес, перемешанный с любопытством настолько бурно, что девчонка приняла его за нечто иное. Губы у нее задрожали, и она снова бухнулась на колени.

Вот дурочка. Меня это прямо раздражать начинало уже. Что она думает, что убить ее хочу? И в голове тут же щелкает мысль:

«А что бы ты, Леночка, подумала?»

Да скорее всего, то же самое, но, с другой стороны, я могу сейчас разузнать у нее все, что мне интересно. Я разрывалась внутри. С одной стороны угрызения совести меня, словно когти тигра, разрывали, потому что я запугивала бедное дитя, но с другой, я тоже хотела жить,

а чтобы это было возможно, мне нужна информация. И вот он, ее источник, сидит передо мной и губки тонкие кусает, сдерживая слезы.

– Кэра, что будет, говори? – я приняла решение в доли секунды, потому что потом не смогла бы переступить через себя, привыкла бы к девчонке и так подло воспользоваться ее незащищенностью просто бы не позволила себе.

Делаю молниеносный шаг, замах и удар, и даже понять не успеваю, откуда взялась эта злость внутри. Она, как вихрь, захлестнула, я даже в руки взять себя не смогла. Ладонь обожгло так сильно, что я вскрикнула от боли, а кэра, будто кукла тряпичная, отлетела в сторону и схватилась за щеку.

Округлив глаза от шока, стою и смотрю то на девчонку, то на свою ладонь.

– Госпожа, пощадите! – спустя секунду взвыла служанка и упала на колени, тыкаясь лбом в пол.

Первая реакция была подойти и попросить извинения, но язык будто к небу прирос, так и стояла молча, не зная, что предпринять, какой следующий сделать шаг. Смотрю на служанку, валяющуюся в ногах, и стошнить хочется от своего поступка. По сути, она же дитя совсем, хотя у меня тело тоже далеко не взрослой женщины, и я не вижу своему поступку оправдания.

– Как скоро я должна отправиться к Императору? – я наконец-то собралась с мыслями и решила просто опустить этот чудовищный поступок, на досуге подумаю о том, как в будущем можно сдержать эти выплески эмоций.

Девчонка, трясаясь от страха, поднимает голову, и мой взгляд тут же останавливается на красной отметине, которая алым пятном рдеет у нее на щеке.

– Вам нужно еще отужинать, Ида.

Хриплый голос скребется по нервам, заставляя передернуть плечами, а я не могу глаз оторвать от лица кэры, так как след от пальцев неожиданно наливается волдырем, расплываясь в разные стороны. Быстро отворачиваюсь, чтобы не видеть этого ужаса.

– Тебе нужно что-то сделать с лицом, – быстро говорю ей и немедленно выхожу в двери.

Куда бы деться, куда бы пойти, где бы спрятаться от угрызений совести, что меня сейчас терзают внутри?

– Госпожа, – голос девушки раздается за спиной, и теперь я уже шарахаюсь от нее, отхожу на несколько шагов и только тогда поворачиваюсь.

Прям готова была расцеловать ее за то, что она щеку тряпицей закрыла и, главное, не смотрит на меня, взгляд прячет. Это к лучшему, потому что так она не может заметить, какая в моих глазах растерянность сейчас застыла, а я уверена, что так оно и есть, потому что в голове были именно эти мысли, да еще и в груди пустота разливалась.

Девочка скользнула мимо, сторонясь меня, но винить в этом я ее не могла, сама бы, скорее всего, поступила так же. Кэра засемила вперед, а я иду за ней след в след и головой верчу, во-первых, дорогу запоминаю, во-вторых, интересно все-таки посмотреть, что за место стало для меня новым домом. Усмехаюсь про себя. Как же странно и необычно то, что я всего лишь за какие-то сутки уже начинаю называть это «домом». Меня осеняет догадка, что это, наверное, из тела не выветрились чувства и привычки бывшей хозяйки, вот они-то и правят сейчас балом, но менять мне пока ничего не хочется, потому как надеюсь, что именно оставшаяся память сможет мне помочь пройти все испытания, которые меня ждут после ужина.

За внутренними рассуждениями путь показался достаточно быстрым. Шли мы по каким-то замысловатым коридорам, и с первого раза вряд ли удастся запомнить дорогу. Вслед за кэрой я шагнула в маленькую комнату, которую можно было сравнить по размеру с кельей при храмах и монастырях.

– Н-да, – прицокнула я языком, проходя внутрь, не так уж и богато, как, казалось бы, должно быть, если смотреть на внешнее убранство святилища.

– Госпожа, Амин вам принесет ужин и поможет одеться.

Я оглянулась на служанку, которая одновременно говорила и доставала из-за плотной занавески белое полотно, отороченное золотой тесьмой.

– Хорошо, кэра, – я села на высокий пуф с мягкой обивкой.

Первое, что мелькнуло в голове – боли никакой не было, и это меня порадовало. А второе – что я забылась настолько, что уже и не вспоминала ни про Принца, ни про ангела, да и вообще они мне сном каким-то показались. Я тряхнула головой.

– Ида, с вами все в порядке?

Я глянула на девчонку. Та лишь украдкой бросила в мою сторону взгляд и быстро спрятала его в пол. Бедное дитя. Опять в груди защемило.

– Все нормально, кэра, уже можешь идти и принести поесть, сколько можно вопросов задавать? Ты хочешь, чтобы я с голоду опухла?

Я замолчала, а девушка вылетела пулей из комнаты, прикрыв за собой дверь. Вот правду говорят, лучшая защита – это нападение. Я закрыла глаза. Вдох-выдох. Все-таки совесть внутри продолжала грызть, и меня сейчас, откровенно сказать, это раздражало, потому что я понимала, откуда ноги растут. А растут все оттуда же – из глубин сознания, на задворках которого еще находится эта девчонка Ида.

Тихие шаги и легкое дуновение ветра оповестили о том, что у меня гости. Я открыла глаза и наткнулась на невообразимо синие глаза мальчишки, что ловко расставлял на раскладном столике тарелки, но при это смотрел на меня внимательно. Амин расправлял складки на платье и, видимо заметив боковым зрением, что мальчишка слишком пристально рассматривает меня, недолго думая, отвесил пацаненку подзатыльник.

– Госпожа, простите, такое больше не повторится, – склонил он голову и еще раз отвесил подзатыльник бедняге.

– Я надеюсь на это, – не голос, а прямо лед. Я сжала челюсть и, вскочив с места, отошла, от греха подальше, от бедного ребенка. – А почему вас двое, Амин? Я думаю, ты и один можешь справиться, – собравшись с силой, задаю вопрос слуге, но лишь для того, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Так госпожа, мне уже скоро исполняется двенадцать, и я уйду во дворец, – поясняет мне паренек, а я удивленно вздергиваю бровь вверх, – и Лим будет вам прислуживать вместо меня.

Кидаю взгляд на мелкого. Господи, сколько ему лет? Прислуживать? Это выше моих сил. Отвожу глаза в сторону.

– Вы не беспокойтесь, госпожа, – растолковал по-своему мой жест Амин, – Лим один из самых смысленых мальчишек, он вам понравится, дайте ему шанс.

Такие похвалы со стороны парня я одобрила про себя и сделала заметку, что для него этот мальчишка много значит, раз Амин так печется о его судьбе.

– Даю ему еще шанс, Амин, – улыбаюсь одними губами, поскольку на душе пусто от того, что приходится быть такой хладнокровной сукой. Но внутреннее чутье не обманешь, а оно подсказывает, что именно так и надо себя вести.

Паренек склоняет голову и подталкивая мальчишку к выходу, выпроваживает за дверь.

– Чего изволит госпожа отведать? – он открывает блюда одно за другим, но аппетита уже нет.

Смотрю на все яства безразлично и думаю лишь о том, как не потерять себя в этом мире, потому что даже к бабке ходить не надо, все как на ладони расписано. Жесткие нравы и безапелляционное подчинение сильнейшему действительно страшно осознавать и принимать. И вопрос сейчас в том, смогу ли я это все выдержать и остаться собой, не превратиться в бесчувственную куклу, каковой являлась Ида.

Глава 5

В животе постоянно урчало после тех нескольких кусков мяса, которые мне все-таки удалось в себя запихнуть. Дурочка, зачем я его ела? Зачем? Даже представить страшно, что буду делать, если вдруг захочется в туалет.

– Амин, – позвала парнишку.

– Да, госпожа? – он повернулся ко мне и склонил голову.

– А долго мне придется пробыть у Императора?

Я, конечно же, могла представить, что сейчас у него в голове промелькнет мысль не совсем хорошая, но тут ничего не поделаешь, как говорится, кто осведомлен, тот вооружен.

– Я не могу вам ответить на этот вопрос, госпожа, – отвечает парень, – все зависит от того, насколько Император сегодня устал.

Амин скользнул по мне взглядом, но не задержался ни на секунду. И что было удивительно, в глазах его я не увидела никакого любопытства – еще одно очко в пользу паренька.

Говорить о чем-либо ещё просто не было смысла, поэтому я погрузилась в мысли, прокручивая в голове разные варианты исхода сегодняшнего пребывания в палатах Императора. Матерь Божья, да что я несу такое? Какие палаты? Какой исход? Да у меня, на самом деле, поджилки от страха трясутся. Думать сейчас могу только о том, чтобы не облажаться и в живых остаться.

С каждым шагом мне становилось все труднее дышать. Внутри будто все замерло в предчувствии чего-то страшного.

«Фух, нет, Ленка, так не пойдет, – передергиваю плечами, – так ты себя доведешь до белого каления прежде, чем окажешься на месте».

Я потрясла ладонями и предплечьями, словно боксер перед раундом.

«Это безумие! – кричит подсознание. – Все это нереально и глупо, словно ночной кошмар, который почему-то все никак не хочет заканчиваться».

– Мы пришли, Ида, – паренек застывает перед огромными двустворчатыми дверьми, точь-в-точь как вход в святилище.

Сглатываю слюну и сцепляю ладони в замок только лишь для того, чтобы не начать заламывать пальцы. В коленках растекается слабость, ноги становятся ватными, а душа из тела вырваться хочет, убежать отсюда подальше, и мне кажется, что вот-вот, и я и правда дух испущу.

Вдруг двери распахнулись, я от неожиданности подпрыгнула на месте, почувствовала, как по скулам капельки пота дорожку начали прокладывать. Сума сойти можно. Прикусываю губу с внутренней стороны, чтобы хоть как-то успокоиться. Хоть это и мало помогает, но боль немного приводит в себя.

Двери открылись, и меня словно невидимыми нитями потянуло внутрь. Шаг. Второй. Третий. И резкий выдох. Передо мной словно кадры из кинофильма выстроились в ряд, превращаясь в единую картину и заполняя собой всю меня изнутри. Боже мой. Подношу ладонь ко рту и зажимаю его так плотно, чтобы никто не услышал стон, который готов сорваться с губ.

От этого невообразимого богатства и красоты меня просто захлестнуло волной восхищения. Мне казалось, что если я сейчас не моргну, то точно глаза вылезут из орбит. То, что я увидела, подходя к святилищу, с тем, что вижу сейчас, даже в сравнение не идет. Белый цвет заполняет огромное пространство комнаты, но отдельные детали и картины, что украшают стены, сделаны из золота. В дальнем углу керамическая ванна на блестящих массивных ножках, а ближе к середине внушительных размеров кровать под белоснежным балдахином, с такими же простынями и подушками и... Матерь Божья. В глазах зареяло от стерильной чистоты цвета в этой комнате.

– Ида, ты вовремя, – послышался низкий мужской баритон, и меня будто разрядом тока пробило с головы до ног.

Медленно поворачиваю голову, и если бы не рука, которая до сих пор зажимала рот, челюсть точно оказалась бы на полу. Передо мною стоял никто иной как самый настоящий бог Олимпа, и мое желание упасть перед ним на колени и восхищаться его могуществом и красотой показалось мне нормальной реакцией. И то, что до этого я считала красотой, взять даже нашего директора, да даже того же Принца – это все было неправдой и ерундой, потому как истинная неподдельная красота стояла передо мной здесь. Идеальные формы, тело сплошь покрыто выпуклыми мускулами, но нет, не качка-бодибилдера, это мог создать только творец, знающий толк в совершенстве. Поднимаю глаза выше, упираюсь взглядом в океаны лазурных глаз, и все остальное становится абсолютно неважным.

– Поистине божественно, – выдыхаю в ладонь.

– Ида, с тобой все в порядке? – мужчина протягивает руку, и я, как зачарованная, оставив все страхи и тревоги позади, иду к нему. – Я чувствую бурю эмоций в тебе.

Он кладет мне ладонь на макушку и гладит волосы, а я чувствую, как внутри что-то меняется, будто звонкий ручей прогоняет все сомнения, и становится так легко и спокойно, что слезы наворачиваются от этого умиротворения.

– Вот так-то лучше, – улыбается мужчина, но только губами, голос его бесстрастен, словно не пропитан никакими чувствами.

Он убирает руку и, отступив на шаг, поворачивается спиной, идет к ванной. А у меня горло снова перехватило от завораживающей мужской красоты.

– Ида? – он поворачивается и вопросительно выгибает светлую бровь.

Меня тут же осеняет что-то, и я, будто ото сна очнувшись, расправляю плечи. Подняв голову, спокойно подхожу к ванной и открываю воду, жду, когда же потечет теплая, чтобы закрыть отверстие на дне.

А тем временем, мужчина скидывает с себя сандалии, и у меня внутри все холодеет от одной мысли, что придется увидеть его голым.

«Интересно, а что будет после омовения? – фантазия разыгрывается с новой силой, активно рисуя картинки в голове. – Лена, остановись, успокойся, нельзя поддаваться. Сейчас главное постараться остаться равнодушной и сыграть безошибочно свою роль».

Я прикусила язык. Нет, не свою, а роль этой девочки, в теле которой оказалась.

Пока успокаивала сама себя, тело жило будто отдельно от меня. Делаю шаг в сторону и в углублении в стене нахожу нишу, в которой скрыты разного размера и формы баночки, достаю почему-то розовую. Удивляюсь немного, распаковывая тару и чувствуя запах роз. Хочется похихикать над своим выбором, не верится, что этот мужчина любит столь нежный запах. Украдкой бросаю взгляд через плечо, и в это самое время Император опускается в ванну, вода тут же скрывает его нижнюю часть. Облегченный выдох, и паника отступает на задний план.

Так. Перебираю баночки дальше. Интересно же, что там еще имеется. Надписи все странные и в то же время понятные, по крайней мере, знаки вполне можно прочесть, но только названия ничего мне не говорят, и разгадать, что за ними скрывается, невозможно. Тихий вздох разочарования срывается с губ. Надеюсь, разберусь чуть позже.

– Ты сегодня нерасторопная, моя дорогая Лейалана, – протягивает мое имя мужчина.

Я вся мурашками покрываюсь от его глубокого голоса, которой словно проходит сквозь меня, оставляя внутри неприятный осадок, как будто я в чем-то провинилась, и это срочно нужно исправить. Разворачиваюсь на пятках, от чего полы длинного платья закручиваются вокруг ног, и вместо нормальных шагов мне приходится семенить к ванне.

Подхожу ближе и тут же покрываюсь испариной, а щеки от смущения начинают гореть. Пытаюсь сконцентрировать взгляд на лице Императора, но бессовестные глаза так и норовят

пробежаться ниже, по широкой грудной клетке, по твердым кубикам пресса и еще ниже, туда, где...

Господи. Внутренне даю себе по щекам и закрываю глаза. Вдох, и неожиданно для себя начинаю суетливо пробовать воду рукой, а потом по щепотке бросаю в нее содержимое банки. Прошла минута, и комнату наполнил запах цветущих роз. Я успела вдохнуть аромат полной грудью прежде, чем мою руку поймала широкая ладонь Императора.

– Сделай мне массаж, Ида, твоего чая мне сегодня совсем не хочется, – он кладет мою руку себе на плечи и накрывает сверху, как будто фиксирует и направляет к действиям, которых ждет от меня.

«За что мне это?» – взывл внутренний голос.

А я в это время кладу вторую ладонь на другое плечо и пальцами сжимаю мышцы шеи. Мать Божья, внизу живота тут же все напряглось и зануло. Это издевательство какое-то, ей-богу. Разве так можно изгаляться над женщиной? Хотелось бы посмотреть в глаза той даме, которая сможет устоять перед этими формами и перед исходящими от Императора флюидами брутальной сексуальности.

А мои руки продолжали поглаживать и мять совершенное тело. Тренировки кожи о кожу только распалило огонь желания, зарождающийся внутри. Вниз по предплечьям и обратно вверх. Чуть надавить на шею. Расширить диапазон касания и пройти по упругим мышцам лопаток, и снова на исходную точку. Когда Император опускает голову вперед, напрягая мышцы шеи, между ног становится жарко, и я закусываю губу, чтобы не издать стон. Даже этот простой жест вызывает во мне желание отдаться этому мужчине.

«Ты заболела, Лена», – выносит заключение разум, и я с этим полностью согласна. Откуда во мне проснулась эта животная похоть? Понятно, что тело не мое, но...

В голове вспышкой мелькают слова Ангела о том, что Ида девственна, и это о многом говорит.

– Чуть ниже, Ида, – врывается в голову голос Императора.

Я, будто в трансе, следуя его просьбе, провожу руками вдоль позвоночника, опуская их в воду. Меня бросает в жар, когда касаюсь его ягодич.

«Лена, остановись!» – орет внутренний голос, но меня как будто заклинило, и я не управляю своими руками, они словно дорвались до чего-то запретного и не хотят подчиниться сознанию. Скользят по влажной коже вверх и вниз, исследуя каждый ее сантиметр. Дыхание учащается, и мне кажется, еще немного, и я кончу от этого примитивного петтинга.

– Достаточно, – перехватывает мои ладони Император в тот момент, когда они уже ползли в направлении...

Мать Божья, я чуть со стыда не умерла, когда поняла, где находятся мои руки. Отдергиваю их, будто огнем обожглась.

– Господи, извините, извините, – запричитала, забыв о том, где нахожусь.

Голова от выброса в кровь адреналина совсем перестала работать, и я, как школьница, опустила глаза и склонила голову.

«Ты, тупая дура! – кричит внутренний голос. – Совсем сума сошла? Где твоя голова? Повелась на член мужика! А как же осторожность и жажда жить?»

От этих мыслей меня кидает в холодный пот, и на ум приходит только Иванушка-Дурачок, которого царь в котлах купал. Так, что там было?

– Лейалана, – голос Императора, опять путает все карты, не дает додумать пришедшую мысль, – ты сегодня крайне перевозбуждена, я чувствую, что ты отдаешь через прикосновения больше, чем мне сейчас требуется.

Голос мягкий, без какого-либо недовольства. Короткий выдох облегчения срывается с губ, а мужчина, словно не замечая моего смущения – хотя какое смущение он должен заме-

туть, если я только что откровенного его лапала – встает из ванны, сверкая своими немалыми достоинствами, и переступает через бортик, становится рядом и ждет чего-то.

Секунду до меня доходило, что я должна была подать ему полотенце, я тут же спохватилась и начала суетиться по комнате в поисках оногo.

– Ида, – обрывает мои метания Император.

Я поворачиваюсь к нему лицом и заливаюсь краской стыда. Боже мой, ну, не привыкла я смотреть на голых мужиков с членом, который даже в спокойном состоянии пугает своими размерами.

– Полотенце висит на ширме.

А я уже нашла его глазами и устремилась за ним.

«Когда же эта пытка закончится?» – вопрошает мое самообладание.

Подаю полотенце мужчине, а он бровь густую вверх поднимает и удивленно смотрит на меня. Я поняла все сразу, без лишних слов. Надо обтереть Императора, ведь получается, я его прислужница. Снова мысль осеняет меня вовремя. Я для Императора служанка, такая же, как Амин и кэра – для меня, и это приносит значительное облегчение. Понимаю теперь, что мне нужно делать дальше, и чего от меня ждут.

Глава 6

Когда я вышла из покоев Императора, Амин меня дожидался, стоя на том же месте. Сколько прошло времени, пока я была внутри, не могу сказать, счет ему потеряла, как только переступила порог комнаты. Теперь не могла даже и предположить, как долго отсутствовала.

– Госпожа не пойдет сегодня на конюшню? – спрашивает Амин, как только мы удаляемся на приличное расстояние от Императорских палат.

Я поворачиваюсь к парнишке.

– Сегодня точно нет, – резко отвечаю ему.

И снова плющечка в его копилку за проявленную выдержку. Паренек на мой выпад никак не отреагировал.

– Как пожелает госпожа.

А я разворачиваюсь и теперь сама уже вышагиваю в направлении Святилища. До своей кельи добралась без приключений, и только, развалившись на узкой твердой лежанке, прикрыв глаза, начала проваливаться в сон, как возле двери кто-то завозился. Твою ёперную дивизию. Резко поднимаюсь и упираюсь взглядом в незнакомое лицо.

– Ида, мэроя Лисан зовет в главный зал на службу, – склоняется к полу мальчишка.

«Да что же такое, – негодую про себя, – ни минуты покоя».

– Подожди снаружи пять минут, – только немного подышав, ровным голос отвечаю слуге.

Хотя по его лицу понятно, что последние слова он не понял совсем. Конечно же, как понять, если тут, скорее всего, и времени нет. Но первые понял как надо, выскользнул за дверь и тихо прикрыл ее за собой.

– Господи, помоги мне, пожалуйста, ниспошли мне кого-нибудь, кто сможет объяснить и помочь, рассказать, что происходит, и что мне нужно делать, – я снова ложусь в постель и прикрываю глаза.

Всего-то надо пять минут, чтобы отдышаться от пережитого в Императорских палатах. Ведь справилась с заданием, пусть и не на пять с плюсом, но твердую троечку уж точно могу получить. Надо срочно найти источник информации. В голове мелькнул Ангел, но как его найти, я даже не могла предположить. Да и совсем запуталась в том, как я к нему вообще попала и где могла встретить Принца Элата, если меня везде сопровождает Амин.

Амин. Конечно, большой соблазн именно у него выведать всю информацию, но это же ребенок, и как у него спрашивать про взрослые взаимоотношения мужчины и женщины, не могу представить себе.

– Ида, – послышалось из-за тонкой перегородки.

Я усмехнулась нервно. Слышимость, конечно, охеренная. Ну, хоть что-то, главное, что есть за чем укрыться, пусть это и напоминает стены ширмы.

– Уже иду, – нехотя встаю с лежанки, оправляю платье.

Может, стоит переодеться? С другой стороны, если подумать, то кэра обязательно бы пришла сообщить об этом, или же Амин бы остался. Поэтому пошла на встречу с мэрой как есть. Шли быстро, мальчишку даже не заботило, успеваю ли я за ним, отсюда сделала вывод, что он меня ждал только потому, что я его попросила, а дорогу он мне и не обязан показывать, ведь я нахожусь у себя дома, если можно так выразиться.

Впереди послышалось тихое пение и мелодичная игра струнного инструмента. Ну, а какой он тут еще может быть, не синтезатор же. И как только ступаю в обширный зал, сразу же взгляд падает на ту, кто издает эту прекрасную музыку. Тоненькая девочка, укутанная в белую простыню с головы до ног, аккуратно перебирает пальчиками струны и звонким голосом тянет незамысловатую мелодию. Я замедлила шаг, невольно заслушавшись.

– Ида, ты вовремя, – слышу женский голос и оборачиваясь на него.

От ее красоты аж перехватило дух. Вот не зря говорили про красоту греческих женщин, оказывается, не вралі люди.

– Это радует, – бубню себе под нос.

И в этот момент все вокруг приходит в движение, как будто только меня и ждали. Со всех сторон стали подтягиваться молодые девушки примерно того же возраста, что и Ида, а дальше началась возня слуг, которые расставляли чаши с горящими свечами на принесенные невысокие колоны. Вазы с цветами размещали по кругу, создавая визуальный эффект кольца, в котором мы сейчас находились. Мне только и оставалось крутить головой по сторонам и наблюдать за происходящим. В груди холодило от неизвестности, и я придвинулась к близстоящей девушке. Та и бровью не повела, стояла спокойно и безэмоционально следила за снующими туда-сюда слугами. А зал тем временем начал наполняться женщинами постарше, они уже были в цветных одеждах и с ярко накрашенными лицами, чем напоминали радужных птиц. Все-таки придется мне Амина помучить, потому как выглядеть и чувствовать себя полным быдлом в таких ситуациях просто нельзя, не имею права ошибаться. Как я поняла, сейчас будет происходить какой-то обряд, а я даже не знаю, что делать. Паника снова поселяется внутри, и ладошки покрываются холодным потом.

– Священные Иды, – громогласно разносится над нашими головами голос мэрои.

Я вся напряглась, потому как «священных» оказалось – быстро пробежалась по девушкам, считая – двенадцать человек, и я тринадцатая. Значит, нас много. Снова окидываю взглядом тех, кто стоит в середине круга вместе со мной, только теперь внимательнее всматриваюсь в лица, вдруг среди этих девушек есть те, с кем я общаюсь.

Красавицы, как говорится, подобраны одна к одной, как будто мы на конкурсе «мисс красота Греции» находимся. Чистые лица, не подходящие к черным волосам и оливковой коже голубые глаза, такие же черные брови в разлет и, если быть откровенной, то очень друг на друга похожие, как будто сестры. В глазах лед, а губы сжаты в тонкую линию, что говорит о том, что им не нравится происходящее, но сделать они ничего не могут, и поэтому приходится терпеть творящееся вокруг.

– Сегодня последний день празднования Брумалия, так нужно отдать ему должное, ведь завтра уже придется наблюдать восхождение Сатурия!

Громкий звон железных тарелочек друг о друга разносится в зале, и к нам в круг выступают тринадцать мальчишек. Я в замешательстве опять смотрю по сторонам, но то, что вижу, меня совершенно не радует. Передо мной так вовремя возникает Амин и, не смотря мне в глаза, протягивает вперед руки.

– Что, Амин? – шепчу тихо, а вокруг шелест сбрасываемой одежды слышен.

Сглатываю застрявший в горле ком. Твою мать, что же творится?

– Госпожа, ваше платье, – слышу тихий голос паренька.

– Ам-мин, что происходит?

Мальчишка подходит ближе и помогает мне расстегнуть застегжку на плече.

– Вы должны сейчас...

Я не расслышала последнего слова, потому что его голос заглушил звук горна, который донесся снаружи. У меня все похолодело и замерло внутри. Ноги как будто свинцом налились, а Амин, стянув с меня белое одеяние, исчез в разноперой толпе. Первое желание было закрыться руками, спрятаться, убежать, но опять же, глядя на соседок, я поняла, что сделаю великую глупость, так как эти красавицы стоят, расправив плечи и выпятив вперед обнаженную грудь, смотрят на всех свысока, будто не они голые стоят, а те, кто за пределами круга, сейчас полностью раздеты.

– Да благословят вас, Священные Девы, Боги наши, да пусть ваши тела наполнятся живой силой через омовения в водах Священного Алфея, – продолжал рокотать под сводами потолка голос мэрои, – и пусть ваши силы не иссякнут до следующего празднования Брумалия.

Послышался шум воды, и только тут я заметила, что за девчонкой, которая играла на арфе, был вмонтирован в стену каменный бассейн с невысоким водопадом, заполняющим емкость внизу.

Разноцветная толпа теперь выстроилась в шеренгу, образуя живой коридор, и мы по одной выходим из круга и направляемся в сторону бассейна. Одна за одной опускаемся в теплую воду, погружаясь по шею. Все повторяю за Идами и делаю, как они. Конечно, некоторые косятся в мою сторону, видимо, их тяготит мое пристальное внимание, но пусть уж извиняют, ничего поделать не могу.

Снова раздаются звуки горна, теперь уже непосредственно в зале, и следом бьют в барабан. Хочется посмотреть, что происходит, но абсолютное равнодушие со стороны дев, что сидят напротив, говорит о том, что нужно себя вести так же.

– Чертовы ритуалы, – не выдерживает одна из них и, опускаясь чуть ниже в воду, выплевывает в нее злые слова.

– Заткись, Малика, – шипит на нее соседка.

Я перевожу взгляд, различить их можно только по пухлости губ.

– Меня одолела уже эта старая стерва, – она зло щурит глаза.

– Замолчи, а не то тебя услышат, и нам всем придется худо.

Мои глаза не успевают отсканировать эмоции этих девушек, они настолько быстро их скрывают, что и понять невозможно, насколько эта неприязнь к мэрои у них высока.

– Я скоро уйду отсюда, – продолжает та, которую обозвали Маликой. Надо запомнить и девушку, и ее имя. – Леон обещал пойти к Императору и попросить у него жениться на мне.

«О-о-о, так значит, отсюда есть выход», – проносится в голове, и я мотаю эту информацию себе на ус.

– Эти никчемные представления для публики мне уже поперек горла, – не унимается она, хотя с ней уже никто не разговаривает, – все для этой чокнутой Императрицы делается, только не пойму, чего она боится?

Девушка наконец-то замолкает, не видя никакой отдачи со стороны остальных Ид, и, как мне показалось, все вздохнули с облегчением, кроме меня, конечно.

Для меня эти крупинки информации были как глоток воды в жаркую погоду. И я про себя молилась, чтобы она не затыкалась и говорила еще, но моим безмолвным просьбам никто не внял, так как снова голос мэрои сообщил, что наши тела вновь наполнились силой, и теперь мы можем отдавать Императору ее столько, сколько понадобится. Вот на этом предложении я заострила особое внимание. Кто я? Это будет первый вопрос, который задам Амину.

Празднования длились бесконечную вечность. Мне кажется, что я даже в процессе два раза впадала в беспамятство. Непрекращающаяся ни на минуту музыка гудела в зале, заполняя все пространство не только внутри помещения, но и внутри меня. Мне даже сперва почудилось, что вот если я сейчас упаду в обморок, то очнусь у себя дома, ну, на худой конец, на корпоративе, и все это мне покажется страшным сном.

Но я так и продолжала кружить вместе с девушками по комнате, не останавливаясь, и ноги уже отнимались, и тело ничего не чувствовало, оно будто парило в воздухе. Толпа, состоящая, в основном, из женщин, улюлюкала и пела непонятные песни, но они действовали странным образом на мозг. Он будто отключался, высвобождая все сокрытые мысли наружу, преобразовывая это все в странные движения танца. В голове мелькали мысли о том, что не столько Священные воды Алфея очищают, но больше вот этот бит, который долбит неустанно толпа. Тело, как сумасшедшее, извивалось и крутилось по кругу, и что самое странное, я ни разу не задела Ид, которые так же кружились в такт. Мы будто марионетки, которыми управляет опытный кукловод, не допуская того, чтобы его красивые игрушки поранились.

Эта какофония продолжалась и продолжалась, заставляя сознание забиться на задворки черепной коробки и не высовываться оттуда.

Очнулась я от того, что смертельно хотелось пить. Язык, казалось, прирос к небу, а во рту не то что пустыня Сахара образовалась, там было ощущение просто выжатого до последней капельки лимона с ребристой морщинистой кожурой.

– Боже ж мой, – поднимаюсь на локтях и вглядываюсь в темноту, – это как же меня так угораздило напиться, что не помню, как попала домой?

Переваливаюсь набок и просто скатываюсь на пол, благо невысокая кушетка, и мне хватило длины рук и ног, чтобы облокотиться о твердую поверхность пола.

– Где же воды-то взять? – прищуриваю глаза в попытках привыкнуть к темноте. И, как ни странно, у меня это выходит.

Вижу впереди цель. Стол. Ползу к нему на коленях, потому как не уверена, что способна сейчас идти на своих двоих. Ну, а что? Ничего страшного в этом нет, как мне кажется, я же у себя в комнате, что хочу, то и делаю, уже взрослая девочка. Хмыкнула невесело, вспоминая встречу с Принцем. Чертов извращенец, не мог нормально трахнуть. Встаю на колени, оглядываю столешницу в надежде найти на ней тару с водой. Хвала небесам. Небольшой кувшин все-таки стоит там, и я, обрадованная столь драгоценной находке, хлопаю в ладоши. Даже решила приподняться на стул, но тут же передумала, когда комната перед глазами неожиданно поплыла, и темнота смешалась с предметами мебели. Я снова села обратно на колени и, немного подышав, взяла кувшин, сделала оттуда глоток. Прохладная жидкость оросила полость рта, и язык, как по мановению волшебной палочки, набравшись влаги, перестал царапать небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.